

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Сегодня мы переживаем период глобальных перемен, которым суждено стать основой процесса трансформации мировой экономики и национальных экономических систем в частности. Тенденция глобализации мирового хозяйства выражается в том, что спустя некоторое время в мире не останется государственных экономик, по крайней мере, в привычном для нас смысле этого термина. Можно сказать, что основным и исходным состоянием каждого отдельного государства станут умения и идеи граждан, которые составляют население в пределах государственных границ.

В таком случае, главной задачей любого отдельно взятого государства будет адаптация к усиливающимся центробежным силам глобальной экономики. Именно эти силы выступают основной причиной “искушения” граждан отказаться в той или иной степени от лояльности к государству, на территории которого они официально проживают. Речь идет о том явлении, которое мы наблюдаем уже достаточно давно: увеличение уровня жизни “меньшинства” граждан, которым удалось проявить и доказать свои умения и квалификацию, наряду с резким падением благосостояния менее квалифицированного “большинства”.

Цель данной статьи — описать экономическую трансформацию, которая сегодня присуща в разной степени всем странам, и определить основные аспекты “экономического национализма”, который наиболее проявляется по мере упразднения экономических и территориальных границ.

Мы постоянно сталкиваемся с такими понятиями, как “валовый национальный продукт”, “национальный торговый баланс”, “темпы экономического роста народного хозяйства”, “национальный уровень безработицы” и т. п. Мы слышим об этом практически каж-

* Аспирантка кафедры экономики и управления экономико-правового факультета ОНУ им. И. И. Мечникова.

дый день по телевидению и радио, где специалисты с внушительным видом выдают безапелляционные ответы на любые вопросы, правда, эти ответы слишком часто и существенно меняются, как впрочем, и сами специалисты.

В газетах и журналах мы читаем либо оптимистические лозунги о том, что сегодня наша экономика развивается как никогда быстро и эффективно, о том, что мы добились прекрасных результатов в вопросах привлечения иностранных инвестиций. Встречаются и пессимистические настроения: нас призывают “отдать память” положительному торговому балансу, всплакнуть над ужасающим внешним долгом или отчаяться от того, с какой скоростью иностранцы захватывают национальные богатства.

Политики, находящиеся у власти сегодня, с гордостью ссылаются на какие-то экономические показатели, в то время как оппозиционисты вменяют им в вину другие, а иногда и те же самые.

Для того, чтобы разобраться кто прав, а кто нет, нужно много времени и много разнообразной и, главное, правдивой информации. Однако, чтобы понять куда мы движемся в своем развитии, необходимо уточнить и понять, что мы подразумеваем под этим самым местоимением “мы”.

Можно воспользоваться метафорой и сделать предположение, что все жители отдельно взятого государства находятся на борту одного судна — национальной экономики. И это судно движется целенаправленно или просто дрейфует на волнах мирового океана — мировой экономики. С такой точки зрения мы можем продемонстрировать разные уровни доходов населения — как разные классы пассажиров судна; социальный статус и значимость населения — как разделение на членов экипажа и пассажиров судна; место национальной экономики и степень ее зависимости от мировой — как курс судна, погодные условия и связь с другими судами. Очевидно, что в случае “шторма” люди страдают одинаково, независимо от уровня их доходов. Кроме того, скорость и безопасность каждого корабля зависят от скорости и безопасности всех прочих судов, принимающих участие в этой умоглядной гонке.

Именно так на протяжении долгого периода вплоть до настоящего времени многие воспринимают совместное экономическое существование. Это можно объяснить следующим образом. Во-первых, подобная точка зрения ясна и понятна. И это в значительной

мере успокаивает нашу бдительность. Во-вторых, именно подобные представления о реальности оставались неизменными и стабильными на протяжении долгого времени, и уже этим они доставляли удовольствие.

Однако, эта стабильность ослабляет наши способности замечать, а значит, и адекватно своевременно реагировать на изменения. Результатом устойчивости вышеупомянутого образа стало ошибочное восприятие экономических и социальных проблем настоящего с точки зрения национальной идеи или цели, и, как следствие, неверное истолкование требований, которые уже сейчас предъявляет будущее.

Попробуем отобразить новую картину, которая в большей степени отражает современные тенденции развития глобальной экономики и общества. Когда практически все факторы производства, а именно: деньги, технологии, оборудование — начнут беспрепятственно пересекать государственные границы, такие понятия, как “национальный продукт”, “национальный капитал”, “национальная технология” станут бессмысленными. Подобная трансформация характерна для многих стран, но в некоторых из них она осуществляется быстрее и затрагивает все сферы деятельности более резко. Наиболее ярким примером является сегодня Европа, темпы объединения стран которой чрезвычайно высоки.

Чтобы ответить на поставленный ранее вопрос о том, что же подразумевается под собирательным местоимением “мы”, рассмотрим такую составляющую экономики как *национальные трудовые ресурсы*.

Обычно, когда мы говорим об увеличении потенциала населения, о ценности вкладов граждан в мировую экономику, о развитии их способностей и совершенствовании способов применения этих качеств в ходе удовлетворения потребностей мирового рынка, мы подразумеваем один из аспектов понятия “национальная конкурентоспособность”. Однако это не совсем верно.

В действительности больше не существует причин поддерживать, прежде всего, свои предприятия, пытаться сократить уровень налогов для граждан, тем самым, создавая возможность вложения этих средств в “свободный” рынок. Доходность какого-либо предприятия не гарантирует улучшение жизни большинства граждан. Тем более, что на данный момент рост и успех предприятия провоциру-

ют ослабление связи с собственной страной. Подтверждением этому является тот факт, что корпорации получают наивысшие доходы там, где они находят наиболее квалифицированных работников.

Если мы вернемся к упоминавшимся выше прогнозам относительно экономического развития в будущем, то можно отметить следующее: оптимистическая точка зрения вполне соответствует реальности, но только по отношению к той части населения отдельно взятого государства, которая добилась признания своей ценности. С другой стороны, пессимистические прогнозы характерны для описания перспектив остального населения, но не процветающего “меньшинства”. Когда мы слышим выражения “японское чудо”, “возрождение Европы” и т. п., мы автоматически воспринимаем это как достижение национальных экономик. Но, на самом деле, эти успехи достигнуты благодаря высококвалифицированным специалистам, среди которых встречаются и граждане других стран, которые просто успешно продают свой труд и свои идеи по всему миру.

Сформулируем вопрос о нашем экономическом будущем: будет ли это будущее национальных экономик или, все-таки, будущее национальных обществ? В связи с этим, можно выделить *проблему ответственности*, которая сегодня встает перед многими странами, экономические границы которых исчезают или становятся более прозрачными: насколько соответствует действительности идея нации-государства, как совокупности людей, разделяющих взаимную ответственность за совместное благосостояние? Другими словами, можем ли мы говорить об “экономическом национализме”, если мы уже не говорим о единстве национальных экономик и ставим под сомнение единство национальных обществ?

Чтобы понять, что же сегодня представляет собой *экономический национализм*, рассмотрим эволюцию идеи национализма за последние четыре столетия.

Вплоть до XVII века лишь немногие суверены, государственные мужи и политические философы полагали, что государство каким-либо образом отвечает за экономическое благосостояние своего населения и вообще имеет к этому какое-то отношение. Богатство страны связывалось никак не с благосостоянием рядовых граждан, а, скорее с богатством ее правителей и небольшого процента населения, которые умножали собственную власть и престиж с помощью захватнических действий. Даже патриотизм означал преданность,

в первую очередь, своему монарху, и только во вторую очередь — своим соотечественникам.

Знаменитый министр Людовика XIV — Кольбер — уже в середине XVII века реализовывал такие способы государственного вмешательства в экономику, какие до сих пор используются на практике. Кольбер финансировал строительство дорог, речных каналов, дамб; он предоставлял субсидии и освобождал от налогов ведущих отечественных производителей; он основал Французскую Ост-Индскую Торговую Компанию, расширив, тем самым, возможности сбыта отечественных товаров. Более того, при реализации политики стимулирования экспорта и ограничения импорта, Кольбер отдавал предпочтение методам улучшения качества отечественной продукции. Целью такой деятельности первого министра короля-Солнца было отнюдь не повышение уровня жизни рядовых жителей Франции. Его логика следует из следующей цитаты: “Каждый согласится, что могущество и величие государства всецело измеряется количеством серебра, которым оно владеет”. Другими словами, задачей стратегии Кольбера было накопление средств, необходимых для финансирования войн и содержания многочисленной армии и двора.

Очевидно, что перед нами яркий пример стратегии и тактики меркантилизма, который к тому времени уже пару столетий был ведущим принципом национальной экономической политики. Вольтер говорил: “Ясно, что если одна страна теряет, другая может от этого только выиграть”. Выигрыш одного суверена неизбежно выражался в проигрыше другого, и именно в этом состояла основа превосходства над потенциальным противником.

Согласно меркантилистской логике во Франции по эдикту Генриха IV развитие национального обрабатывающего производства было “единственным способом прекратить вывоз из королевства золота и серебра”, так как это вело к обогащению соседей. Аналогично, колонии великих держав существовали и развивались ради обогащения короны: они производили и поставляли в метрополию дешевое сырье и, в то же время, не имели права производить готовую продукцию или закупать ее в каких-либо третьих странах.

Начиная с конца XVII века и вплоть до настоящего времени, происходит политический сдвиг от абсолютизма к демократии, который можно рассматривать как неотъемлемую составляющую процесса замены меркантилизма экономическим национализмом.

Развитие демократических идей обусловило замену цели увеличения могущества суверена на новую цель — повышение благосостояния населения. В Западной Европе и в США переход к экономическому национализму начался с отменой привилегий класса аристократов, развитием класса торговцев и банкиров, распространением идей “свободной” торговли. В странах Центральной и Восточной Европы экономический национализм основывался, прежде всего, на освободительной борьбе.

К концу XVII — началу XVIII вв. британская Палата общин фактически стала “демократическим институтом”. Принадлежность к нации трактовалась английскими философами как некий контракт — форму “партнерства не только между уже живущими, но также между ними и теми, кому еще предстояло родиться”. Это партнерство носило характер взаимных обязательств, которые принимались и выполнялись посредством упомянутых демократических институтов. Джон Стюарт Милль полагал, что демократия культивирует моральные связи “с помощью максимально возможной публичности и свободы дискуссий, в силу чего участниками государственного управления делаются не только сменяющие друг друга отдельные личности, но, в определенной степени, и общество в целом”.

Теперь термин “патриотизм” означал участие в свободном управлении и заботу о своей родине. Знаменитый английский государственный деятель Болингброк в своей работе “Дух патриотизма” писал, что каждый гражданин является подлинным патриотом, если он “направляет все мысли и действия на благо своей страны”, то есть, на “благо народа”, и именно в этом состоит “истинная и окончательная цель правительства”.

Демократический патриотизм оказался более внушительной силой, чем преданность суверену. Теперь уже не нации символизировали монархов, а наоборот — монархи выступали символом нации. Посвятить жизнь монарху стало менее разумным, чем пойти на какие-либо жертвы ради своей нации. В этот период приобрели колоссальное значение такие атрибуты нации, как национальные гимны, флаги, процессии, праздники и т. п.

Однако, следует отметить, что националистические чувства подерживались не всеми интеллектуалами XVIII века. Например, такие знаменитости, как Т. Джеферсон, Б. Франклин, В. Гете, И. Кант,

Вольтер, Дидро, Гельвеций, Д. Юм и другие, считали себя гражданами мира, а не отдельного государства. Для них на первом месте всегда стояли универсальные права и обязанности человека, а не его обязательства перед своей нацией.

Воспитание демократическими институтами “хороших” граждан стало признанной *национальной целью*. Начиная со второй половины XVIII века, в школьную программу обучения во многих странах были включены курсы по национальному языку и национальной истории.

Идея ответственности граждан за экономическое благосостояние нации возникла как естественное порождение растущего патриотизма. Не случайно самой известной и влиятельной книгой XVIII века стало произведение Адама Смита “Исследование природы и причин богатства наций”. Смит выдвинул ряд универсальных экономических принципов, которые впоследствии широко использовались экономистами разных стран. Его учение можно рассматривать как национально-ориентированное. Так, например, английский меркантилизм Смит осуждал не столько потому, что тот уменьшал богатство других наций, а потому, что из-за него сами граждане Англии жили беднее, чем могли бы. Аналогично, Смит не возражал против вмешательства государства в дела экономики, если того требовали национальные интересы. В отношении национального продукта, на котором покоится богатство страны, по мнению Смита, то он определяется двумя детерминантами: долей полезно занятого в экономике населения и “изобретательностью, искусностью и разумностью приложения труда”. Эти два фактора и сегодня играют определяющую роль.

Концепции управления экономикой в других странах, более отсталых в экономическом отношении по сравнению с Англией, были несколько более радикальными, но, в целом, придерживались тех же ориентиров.

В качестве примера можно привести план Александра Гамильтона — первого секретаря США по делам казначейства в администрации Д. Вашингтона. План Гамильтона (1791), представлявший собой четыре доклада о мануфактурах, о банке, о чеканке монет и об общественном кредите, выдвигал аргументы в пользу поддержки развития отечественной промышленности. Согласно этому плану сильная производственная база увеличивает суммарный (валовый)

национальный доход, число рабочих мест и, как следствие, стимулирует привлечение иностранного капитала, укрепляет национальную независимость и безопасность. А. Гамильтон говорил, что общественные деньги должны быть истрачены на приобретение оборудования для новой и полезной промышленной отрасли. Отсюда следовал вывод: “Идти в интересах общества ради этого на временные расходы, которые более чем компенсируются ростом промышленности и богатства, приумножением ресурсов и укреплением независимости и, в конечном счете, удешевлением жизни”.

В Западной Европе национальные экономики стали рассматриваться с точки зрения благосостояния населения только в XIX веке. Однако аргументация внедрения различных финансовых механизмов для европейских государств отличалась от подобных аргументов в США. Это отличие было подмечено Алексисом де Токвилем в 1831 году во время его путешествия по Соединенным Штатам. Токвиль отметил, что для Европы аргументация состояла в том, что “людям следует чем-то жертвовать для своих соотечественников, поскольку жертвенность есть дело благородное”. Такие заявления отдавали лицемерием и носили чрезмерно пафосный характер. Что касается США, то для американцев аналогичные жертвы отвечали их интересам, их “просвещенному эгоизму”. Токвиль писал: “Американцы очень любят объяснять почти все свои действия *принципом правильно понятого личного интереса*; они показывают даже с некоторым самодовольством, как цивилизованная забота о самих себе постоянно вынуждает их помогать друг другу и побуждает с готовностью жертвовать часть своего времени и своей собственности ради благосостояния государства”.

Все вышесказанное вовсе не означает, что американцы лишены патриотизма, или что проявление заботы о благосостоянии граждан неискренно. “Свободные институты, равно как и те политические права, которыми широко пользуются граждане США, постоянно напоминают каждому гражданину этой страны, что он — частица общества, что, в свою очередь, приводит к пониманию того, что приносить пользу ближним — не только является обязанностью, но и соответствует его интересам”.

Фредерик Льюис Аллен в своей книге “Большие перемены” (1952) писал: “Дела отдельного предприятия улучшаются, если его прибыль частично направляется на внутренние улучшения. Так

и бизнес в целом выигрывает, если какая-то доля национального дохода тратится на повышение статуса и поднятие жизненного уровня беднейших слоев населения, что позволяет им покупать больше товаров и тем самым расширять всеобщий рынок”.

Рассмотрим понятие “национальной сделки” путем суммирования основных условий развития национальных экономик развитых стран за последнее столетие.

Развитие корпораций привело к тому, что именно они, в основном, занимаются вопросами планирования и осуществляют крупномасштабное производство товаров. Экономика масштаба приводит к появлению различных отраслей экономики, в которых окончательные усредненные затраты на единицу продукции снижаются по мере роста общего объема производства.

Олигополистическая координация (негласное соглашение между ведущими компаниями в отдельной отрасли) корпораций позволяет им поддерживать достаточно высокий и стабильный уровень цен, обеспечивающий значительные объемы продаж, а значит и поступлений от них. Лишь некоторая часть этих поступлений вкладывается в новые предприятия и новое оборудование. Основная же масса средств идет на оплату труда менеджеров среднего уровня и наемных рабочих.

В данном случае нас интересует такой аспект “национальной сделки” как негласное соглашение между корпорациями и профсоюзами, позволяющее избежать повышения ставок заработной платы и цен на производимую продукцию, и тем самым приостановить процесс инфляции. Кроме того, существует аналогичное негласное соглашение между корпорациями и правительством отдельного государства, которое также является составляющей “национальной сделки”. Правительство избегает вмешательства в принятие корпоративных решений или, другими словами, воздерживается от централизованного экономического планирования. Это означает, что правительство выполняет функции координации и регулирования, предоставив корпорациям самостоятельно или децентрализованно реализовывать функции планирования и организации. В дополнение к этому правительство обеспечивает адекватную подготовку молодого персонала для занятия в будущем рабочих мест, созданных или освобожденных для них в индустриальной системе.

Описанная система абсолютно логична: корпорации, профсою-

зы и общество субсидируют массовое производство, с целью увеличения его эффективности и снижения цен выпускаемой продукции. Это, в свою очередь, даст возможность создать вакантные рабочие места для подрастающего поколения, которое потом будет приобретать и потреблять растущее количество выпускаемых на рынок товаров и услуг.

Это уравнение представляет собой полный вариант “общенациональной сделки”. При этом все занятые стороны занимают более или менее равнозначное положение с точки зрения степени их влияния на зарубежных рынках. В этом состоит основное отличие от меркантилизма и империализма.

Подобный вариант “национальной сделки” характерен, в той или иной степени, для США, Западной Европы и Японии. Возможность неявного соглашения между руководителями компаний, вкладчиками или акционерами, наемными работниками и их профсоюзами и всем обществом, представителем которого выступает правительство, означала практически совершенную иллюстрацию идей Токвиля: жертвование немедленными выгодами ради более крупных долгосрочных выгод для всех без исключения сторон как следствие правильно понятого принципа собственного интереса.

В США такая “сделка” редко обсуждалась открыто. К тому же она не была всеохватывающей, так как ее условия не распространялись на национальные меньшинства, на женщин, а также на те менее развитые государства, которые снабжали корпорации США сырьем. В Европе и Японии “национальная сделка” носила более явный характер, но в целом основывалась на тех же принципах крупномасштабного стандартизованного производства.

Принимая во внимание факт усиливающейся “расплывчатости” государственных границ в результате процесса глобализации мировой экономики, можно сформулировать экономическую роль государства следующим образом: повысить уровень жизни граждан посредством увеличения ценности их вкладов в мировую экономику. Проблема, с которой мы сталкиваемся сегодня, состоит в том, что экономическая “верхушка” отдельного государства все больше втягивается в мировую экономику, в то время как заинтересованность в качестве работы и возможностях остального населения катастрофически падает. И эта проблема обостряется по мере ослабления принципа экономической взаимозависимости.

Подобное неравенство можно наблюдать и на примере развития мировой экономики. Северная Америка, Западная Европа и Восточная Азия сегодня представляют собой “верхние” 20% населения планеты. В этих регионах суммарно производится три четверти валового мирового продукта и осуществляется свыше 80% всех операций мировой торговли. Последние несколько десятилетий показали отрыв этих регионов от остального мира, в котором большая часть стран все сильнее погружается в безнадежную нищету.

В обществе, где национальная солидарность достаточно прочна, несмотря на усиление действия центробежных глобальных экономических сил, благодаря сдвигу равновесия от экономических к общественным связям, ситуация практически не изменяется. Например, японцы, немцы, шведы, австрийцы, швейцарцы считают себя носителями общей культуры. Для них это вопрос национального долга и национальной гордости. Отчасти благодаря этому в этих странах относительно невелика разница в распределении доходов.

Необходимо отметить, что национализм может принимать и негативные формы. Например, чрезмерный национализм может перерасти в шовинистическое презрение ко всему иностранному. Такие положительные характеристики, как преданность своей стране и строжайшая дисциплина в их экстремальном проявлении в Японии и Германии в середине XX века нашли свое выражение во второй мировой войне и в тех безумствах и зверствах, которые тогда происходили. Еще несколько примеров неограниченного шовинизма — раздувающийся правительством бывшего СССР параноидальный страх населения перед иностранными агентами и, как следствие, приоритет соображений национальной безопасности во всех сферах жизни; а также вспышки насилия и терроризма, которые сегодня возникают по всему миру.

История уже доказала нам, что национализм — это своего рода “игра с нулевой суммой”, то есть основывающаяся на предпосылке, что выигрыш одной стороны неизбежно означает проигрыш другой, и третьего не дано. В случае, если граждане одной страны поддерживают политику, улучшающую их благосостояние, но негативно влияющую на ситуацию в других странах, практически вынуждают остальные государства делать то же самое в качестве самозащиты. Примеров этому множество: гонка вооружений, внедрение различных торговых барьеров, “эмбарго” и т. п.

Неомеркантилистская теория “национализма нулевых сумм” с трудом может претендовать на верность: ведь если население одной страны, в силу своей профессиональной компетентности, более вовлечено в мировую экономику, это означает выигрыш населения всего мира от новых достижений. Естественно, неоспорим тот факт, что государство, которое первым добилось каких-либо новых значительных результатов, получает абсолютный непропорционально большой выигрыш в сравнении с остальным миром.

Здесь следует упомянуть социологический феномен “относительной обделенности”. Он заключается в следующем: люди склонны оценивать свое благосостояние в сравнении с богатством других. Из двух альтернатив — занять более выигрышное абсолютное положение или более выигрышное относительное (сравнительное) положение с точки зрения благосостояния, большая часть населения любой страны мира предпочитает последнюю. Мы видим яркий пример иллюстрации на практике известной поговорки: “Плохо не то, что у меня дом сгорел, а то, что у соседа он все еще цел”.

Недостатки модели игры с нулевой суммой ясно видны в условиях усиливающейся экономической взаимозависимости. Так, например, знаменитые “нефтяные шоки” 70-х гг., вызванные резким повышением цен на нефть странами ОПЕК, привели к тому, что практически весь мир оказался в состоянии экономического спада, что, в свою очередь, вызвало уменьшение спроса на нефть.

Как альтернатива “национализму нулевых сумм” существует теория космополитизма или теория абсолютной предпринимательской свободы. Эта теория объясняет преимущество невмешательства государства в управление экономикой тем, что представители предприятий и фирм способны самостоятельно решать все вопросы управления в силу своей непосредственной заинтересованности в результатах их деятельности. Кроме того, космополиты ратуют за свободное перемещение всех факторов производства через национальные границы.

С одной стороны, приверженцы этой теории могут анализировать и решать мировые глобальные проблемы лучше, чем сторонники теории национализма. Но, с другой стороны, отсутствие ответственности по отношению к какой-либо стране может привести к отсутствию социальной ответственности по отношению ко всем жителям планеты. В этом случае вероятность того, что космополиты

захотят разделить свои достижения с менее благополучными гражданами, чрезвычайно мала. При этом следует учитывать такую крайность космополитизма, как возможность формирования “безразличного” отношения к проблемам окружающего мира. В этом случае, вероятность каких-либо изменений также мала, как и в случае с “национализмом нулевых сумм”.

С точки зрения автора данной статьи, наиболее приемлемой теорией управления национальными экономиками сегодня является “*позитивный экономический национализм*”. В этом случае граждане отдельной страны несут полную ответственность за развитие у отечественного населения способностей вести продуктивную жизнь, развивая профессиональные навыки и, тем самым, повышая свою ценность. В то же время, любые улучшения, достигнутые в пределах отдельного государства, не должны негативно сказываться на экономическом развитии других стран. В основе данного подхода лежит идея “национальной цели”, о которой уже говорилось ранее, а также основные моменты исторического и культурного развития каждой отдельной нации.

Позитивный экономический национализм выступает в поддержку развития просвещения и профессиональной подготовки специалистов; свободного и плавного “перетекания” рабочей силы из устаревших отраслей в новые или более современные, благоразумного вмешательства государства в дела экономики; а также, разработки общемировых правил “честной игры”. В данном случае конечной целью является не достижение процветания одной нации за счет ухудшения благосостояния других стран. В то же время речь не идет и о простом разделении фиксированных мировых доходов. Основная задача позитивного экономического национализма — развитие человеческих навыков и знаний, которые, в отличие от финансового капитала, не имеют пределов.

Сегодня трудно сказать, какой из перечисленных подходов занимает лидирующее положение и играет решающую роль в развитии мировой экономики и национальных экономик как ее составляющих. Тяготеющие к национализму нулевых сумм обеспокоены ростом иностранных инвестиций, увеличением оттока низкооплачиваемой рабочей силы из стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, оттягивающего на себя множество рабочих мест. Сторонники космополитического неограниченного предпринимательства не

слишком переживают из-за текущих проблем большей части населения, но, в то же время, слабо верят в возможность что-либо изменить.

Очевидно, что ни одни, ни другие не демонстрируют какие-либо признаки склонности к позитивному экономическому национализму. Конечно, космополитизм имеет больше шансов стать доминирующей экономической и социальной философией, по крайней мере в развитых странах. Вероятно именно такая ситуация и сложится в ближайшие годы. Тем не менее, позитивный экономический национализм должен стать главным ориентиром экономического развития, так как рано или поздно мы должны осознать, что взаимные гражданские обязательства по улучшению общемирового благосостояния шире рамок нашей экономической полезности друг другу.

Литература

1. Cole Ch. W. Colbert and a Century of French Mercantilism. Т. 1. New York World, 1939, S. 337.
2. Braudel F. Civilisation and Capitalism, 15th-18th Centuries. Т. 2. The Wheels of Commerce, New York, Harper and Row, 1984, S. 205.
3. Isambert. Recueil Generale des Anciennes Lois Francaises. Paris, 1829, S. 283.
4. Burke E. Reflections on the Revolution in France, 1790. Т. 2. — New York, 1968. — S. 321.
5. Mill J. S. Representative Government // Utilitarianism on Liberty and Representative Government. — London: Everyman's Library, 1910, S. 243.
6. Brunot F. Histoire de la Langue Francaise des Origines a 1900. Т. 6, п. 1. — Paris: Renard, 1935. — S. 135. Приводится по Snafer. Nationalism: Myth and Reality. — New York: Harcourt, Brace & World, 1955.
7. Davies T., ed. Bolingbroke's Works. Т. 17. — London, 1775.
8. Smith A. The Wealth of Nations, 1776. — New York: Modern Library, 1937. — S. 408.
9. Hamilton J. S., ed. Report on the Subject of Manufactures // The Works of Alexander Hamilton. — Т. 7. — New York, 1862.
10. Alexis de Tocqueville. Democracy in America. К. 2, гл. 8. — New York, 1862.
11. Там же.
12. Katzenstein P. Corporatism and Change: Austria, Switzerland, and the Politics of Industry. Ithaca, New York: Cornell University press, 1989.
13. Reich R. B. The Work of Nations. Preparing Ourselves for 21st-Century Capitalism // Problems of Eastern Europe, #33-34. — Washington, 1991.